

ПУТИ, ПРОЙДЕННЫЕ ЗА ЭКРАНОМ

больших денег, дешевой популярности, а потом горько и жестоко разочаровывается. А вы никогда не узнаете об этих сломанных, никчемных, циничных, разуверившихся в искусстве молодых, а потом пожилых тетях и дядях, которые так жестоко обманулись в своем призвании.

У ОКНА купированного вагона стояли двое людей в пижамах и рассуждали о маленькой книжечке стихов.

— На этом все построено. Вот, к примеру, что мне стоило заплатить рупь двадцать? А, смотрите. — говорящий отключил последнюю страницу, где указывается тираж, и молниеносно сосчитал, сколько автор «положил в карманчик».

Он говорил нарочито громко, как знаток. Затем он перешел к артистам. Начались рассказы о их легкой жизни, о тайнах кулис.

— Ну, хоть какой артист ни будь, но роль-то он наизусть должен помнить? — попытался заступиться только что подошедший молодой человек.

— Кто?! — воскликнул «знаток». — А суфлер зачем? Думаешь, ему так деньги платят? Это тебе из зала не видно, а он там в будочке сидит себе и прямо по книге шпарит... Они же большинство пьяные выступают...

— Почему?

— Ну так уж. Знаю я их! Другой лицо намазал, ну вышел там, два слова сказал, а зарплата-то капает!

А я вспомнил Сортавалы, небольшой городок на Севере.

Летний театр с врытыми в землю скамейками. Холодный ветер рвет занавес. Героиня в открытом платье. Мне становится жалько, когда я смотрю на ее голые плечи. У меня саднит в горле, когда я слышу, как она форсирует голос, стараясь перекричать ветер. А сидящие в зале словно не видят этого отчаянного поединка. Они увлечены действием. Впервые показывают здесь пьесу Бальзака...

Потом зрители идут домой, с жаром обсуждая спектакль, наверное, и не думая о том, как сложен и замечателен путь бальзаковской пьесы сюда, на окраину Советской России. А в это время артисты — за кулисами. Холодный жир никак не снимает с лица застывших красок, и уже заведены грузовики — где-то зрители купили билеты на следующий спектакль. Но и в пути не отдохнешь: нужно повторить сцену, и партнеры садятся рядышком, чтобы гул мотора не глотал реплики. И так от спектакля к спектаклю...

Беседа у окна вагона собрала еще нескольких слушателей. Теперь она, как пожар, перебралась на кинематограф. Мой осведомленный спутник уже начал «разоблачил» кино.

Он объяснил, как просто и быстро можно снимать конные бои, как «по благу» раздают роли и подбирают актеров или вообще обходятся без них, как искусственными слезами плачут актрисы...

А я мог бы рассказать совсем о дру-

гом. Маленькая улочка в Сормове. Она оцеплена милицией и охрипшими работниками киностудии фильма «Мать». В прилегающих переулках толпы «зрителей». Их больше, чем обычно, потому что время съемки — поздний вечер, и смена с завода уже вернулась домой.

Несколько раз вместо героини по улице пробегает Марк Семенович Донской — постановщик картины. То и дело поднимается и опускается на кране оператор Мишурун. Съемка «режимная». Это значит, что только те несколько минут, в течение которых солнце заваливается за горизонт, могут быть зафиксированы на пленку.

Зрители в переулках уже знают содержание эпизода. Мать с ребенком на руках выбегает из дому, где бушует пьяный муж. Ее, Ниловну, играет народная артистка СССР Вера Петровна Марецкая.

Вера Петровна внешне спокойна, но чувствуется, что она крайне сосредоточена. Дело в том, что сцена начинается с крупного плана — лицо Ниловны, обращенное к дому. Возможно, что этот кадр режиссеру придется монтировать, склеивать с эпизодом, снимавшимся еще месяц назад в декорации, представлявшей собою избу Власовых. Поэтому сегодня от актрисы требуется не только подняться до того уровня драматизма, на котором оборвалась сцена в избе, но и развить, продолжить эту линию.

Завертелся пропеллер, поток ветра рванулся из-под аппарата по улице. Из переулков пожарные шланги обрушили на мостовую тонны воды. Загрелись лихтвагены, вспыхнули дуги.

Вера Петровна стояла спиной к аппарату, на месте, с которого начинается ее движение, едва сопротивляясь потоку ветра. Все готово, можно давать команду, но Донской медлит. Он подошел к Вере Петровне и что-то шепчет ей на ухо. Она едва заметно кивает в знак согласия головой... Вот он бережно, словно боясь потревожить прикосновением ее сосредоточенность, поправил на плече Веры Петровны складочку платка...

Резко поворачивается Марецкая. Крепко сжатые губы напряженно дрожали, едва сдерживали рвущийся из груди крик. Широко открытые глаза светились отчаянной решимостью и какой-то особой материнской силой. И было страшно и больно видеть, как из этих глаз неудержимо струятся слезы и ветер размазывает их по щекам.

...Разбитые опорки уже на третьем шагу упали с ее ног. Я думал, она остановится и тогда погибнет дубль. Взглянул на Донского: он улыбался счастливой улыбкой. Я понял — это не случай-

ность... Это вновь Вера Петровна во имя своего дела переступила границы возможного. Она бежала, скользя босыми ногами по липким, грязным булыжникам мостовой. Бежала, не разбирая дороги, через лужи и ухабы, в потоках ледяной воды.

Если бы только эти внешние трудности нужно было преодолевать, как легко и просто был бы путь актера! Найти и хранить в душе то, что гонит твоего героя по жизни, куда сложнее, чем бежать по исхлестанной дождем улице. Однако я совсем не хочу сказать, что наше дело сложнее и тяжелее других.

Ведь даже самые слезные оправдания еще никогда ни на йоту не украсили ни одного произведения искусства. Узнав, как мучительно и сложно создается картина, зритель совершенно не обязан принимать плохие фильмы.

...Возвращаюсь к разговору в вагоне. Почему стоявшие около всеведущего «ценителя искусств» с такой жадностью и любопытством слушали все, что он говорил? Неужели все они относятся к нашему делу так пренебрежительно?

Судя по разговору с этими товарищами, по письмам и множеству устных выступлений, которые приходится слышать на зрительских конференциях, сведений, получаемых людьми о жизни кино и театра, удивительно однообразны. Они на две трети заполнены пустой, дешевой шелухой, способствующей распространению самых нелепых, бессмысленных слухов и толкований. Этому иногда способствует и печать.

Ведь все это напоминает ту дешевую сенсацию, бульварную шумиху, которую устраивает западная пресса вокруг «звезд». Между прочим, настоящие, серьезные актеры и художники на Западе борются против такой рекламы, отстаивая свое человеческое лицо. Многие из них, с досадой указывая на особо сенсационные статьи и фотографии, говорили нам: «Вы не обращайте внимания: это не главное. У нас есть и другое, настоящее».

Почему же наша молодая актриса, комсомолка, получающая, как и все, государственную заработную плату, должна быть похожей на какую-то мимолетную американскую звезду — безвкусную и стандартную рекламную куклу?

Одноразовая информация морочит голову нашей молодежи и является богатой пищей лишь для самой пустой, мешающей кучки людей. Обязательно, чтобы весело, обязательно, чтобы эффектно. Начитавшись всяческой чепухи, накупив слащавых, улыбающихся фотографий киноактеров, молодежь бросается в актерство в поисках легких путей,

В моем коротком письме невозможно сколько-то подробно описать будни актерства. Для этого нужно много места, а главное, умения, которым я не обладаю. Пусть это сделают другие. Мне только хотелось попытаться остановить руку того журналиста, который сегодня начинает «сочными» деталями очередной очерк о блестящей карьере какой-нибудь «звезды», которую какой-то режиссер вдруг увидал на улице, открыл в ней талант («предчувствие его не обмануло»), и теперь она «катается по границам» и в неудобной позе (как будет показано на прилагаемой фотографии) «разучивает» новую роль!

Не верьте, не думайте, что все, что вы видите подлинно волнующего на экране или на подмостках сцены, — легкий труд. За каждой удачей, за каждым праздником нашей профессии стоят горы неудач и вереницы тяжелых будней. За все подлинное платится подлинной жизнью, трудом тяжелым и достойным настоящего уважения.

Алексей БАТАЛОВ.

т. Моонна

5 MAR 1966